

RU

Функционально-референциальные аспекты церковной лексики с предметной семантикой в русском языке (на примере наименований предметов церковной утвари)

Петухова М. Е., Кожемякова Е. А., Демираг Д. Н., Семенова Г. Н.

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей и основных тенденций функционирования наименований предметов церковного быта на разных этапах развития русского языка. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем осуществляется анализ динамики развития предметной церковной лексики на семантическом и функциональном уровнях. В результате исследования установлено, что часто те или иные процессы функционирования и переосмысления рассматриваемой лексико-семантической группы связаны со специфичностью денотатов, с внеязыковыми факторами. Тематическая группа наименований церковной утвари возникла сразу как совокупность лексических заимствований, преимущественно греческого происхождения. Со временем эта группа дополнялась терминологией, созданной в самом русском языке. Церковная лексика, связанная с предметами церковного обихода, прошла длинный путь развития, подвергшись значительным изменениям как в количестве (сокращение состава группы), так и в семантике. В настоящее время многие лексемы вышли за рамки чисто религиозного употребления и используются в разных стилях языка как в самостоятельном формате, так и в составе устойчивых выражений.

EN

Functional-referential aspects of church-related lexis with object semantics in the Russian language (as exemplified by the names of church utensils)

M. E. Petukhova, E. A. Kozhemyakova, D. N. Demirag, G. N. Semenova

Abstract. The research aims to identify the characteristics and main tendencies of the functioning of names for church-related objects at different stages in the development of the Russian language. The scientific novelty of the research lies in analyzing dynamics in the development of church-related object lexis at the semantic and functional levels. As a result, the research concludes that often, the processes of functioning and reinterpretation of this lexico-semantic group are connected with the specific nature of the denotata and extra-linguistic factors. The thematic group of names for church utensils emerged from the outset as a set of lexical borrowings, primarily of Greek origin. Over time, this group was supplemented with terminology created within the Russian language itself. Church-related lexis associated with objects of church use has undergone a long developmental journey, experiencing significant changes both in quantity (reduction of group composition) and semantics. Currently, many lexemes have transcended purely religious use and are employed in various language styles, both independently and as part of set expressions.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в то время, как многие лингвисты посвящают свои работы проблемам окказионализмов и новых заимствований, богатый пласт «возвращенной» лексики (в том числе и церковная лексика) остается неизученным. Нет комплексных исследований, посвященных функционированию церковных терминов с предметным значением, рассматривающих их в диахронической перспективе. Когда речь заходит о характеристике использования церковной лексики в современном русском языке (Кошелева, 2013; Рогожникова, 2013), большое внимание уделяется прямому, т. е. церковному, значению подобных слов и ошибкам, связанным с их употреблением. Между тем метафорическое использование предметной церковной лексики остается недостаточно исследованным.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- 1) выявить набор лексем, составляющих тематическую группу названий церковной утвари, опираясь на анализ словарных данных разных исторических периодов и письменных источников;
- 2) исследовать семантические изменения церковных терминов в русском языке на разных этапах его развития с акцентом на взаимосвязи между этими словами;
- 3) проанализировать использование церковных терминов в русском языке XX и XXI веков, уделив внимание влиянию внешних факторов на их функционирование;
- 4) определить основные направления и тенденции в семантическом развитии выбранных лексем на протяжении изучаемого периода.

Материалом для исследования послужили данные нескольких словарей:

- Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд-е 7-е. М.: Советская энциклопедия, 1968.
 - Полный церковно-славянский словарь: в 2 т. / сост. священник магистр Г. Дьяченко. М.: ТЕРРА; Книжный клуб, 1998. Т. 2.
 - Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1975-1997. Вып. 1-23.
 - Словарь русского языка XVIII века / под ред. Ю. С. Сорокина. Л.: Наука, 1984-1997. Вып. 1-9.
 - Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965. Т. 2. Т. 5. Т. 6. Т. 8-12.
 - Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
 - Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М.: Эксмо, 2007.
 - Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Астрель; АСТ, 2000.
 - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 1-2.
 - Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1968.
- Данные словарей подкреплены иллюстративным материалом, собранным методом сплошной выборки из произведений, относящихся к различным жанрам и охватывающих разные исторические эпохи:
- Глушкова В. Г. Костромская земля: природа, история, экономика, культура, достопримечательности, религиозные центры. М.: Вече, 2016.
 - Державин Г. Р. Сочинения. М.: Правда, 1985.
 - Изборник (сборник произведений литературы Древней Руси). М.: Художественная литература, 1969.
 - Каллагова Инга. Образ и стиль. Влияние психотипов на эволюцию моды. 2020. <https://www.litres.ru/book/inga-kallagova/obraz-i-stil-vliyanie-psihotipov-na-evoluciu-mody-63720616/>.
 - Памятники литературы Древней Руси II пол. XVI в. М.: Художественная литература, 1986.
 - Толстой Л. Н. Воскресение: роман. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1982.
 - Успенский сборник / под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1971.

Теоретическую основу составили работы, посвященные исследованию семантики отдельных слов (Виноградов, 1977; 1978; Ковалевская, 1984; Колесов, 1986), а также исследования, в которых рассматриваются группы церковных лексем с предметной семантикой в контексте различных исторических эпох (Копорская, 1988; Костомаров, 1999; Прядко, 2000). Эти работы предоставляют ценные данные для анализа изменений и особенностей функционирования церковной лексики в определенные временные периоды, но не содержат комплексного анализа тематической группы, отражающего развитие предметной церковной лексики как непрерывный процесс и позволяющего увидеть динамику изменений и общие закономерности в функционировании церковной лексики на протяжении веков.

В работе применены разные методы, включая систематизацию и тематическое распределение языковых данных, а также ряд аналитических техник, таких как описательный, семантический, стилистический, этимологический, компонентный и частотно-статистический анализ. Кроме того, для сбора материала используется метод полного охвата данных.

Практическая значимость этого исследования в том, что его результаты могут помочь при создании курсов по лексикологии русского языка. Собранный материал можно использовать для разработки учебников по русскому языку и в обучении студентов, как носителей языка, так и иностранцев, в рамках их подготовки к будущей профессии.

Обсуждение и результаты

Церковная лексика представляет собой уникальную и обширную лексическую группу, ее изменения во времени отражают не только лексические, но и социокультурные трансформации общества.

Термины, связанные с названиями деталей интерьера, атрибутов православных обрядов и элементами облачения священнослужителей, стали важной частью церковного лексикона древнерусского языка. Эти предметы использовались преимущественно в церковной среде и практически не находили применения в повседневной жизни. Такое ограниченное использование предметов и стало одной из главных причин того, что данная лексико-семантическая группа представлена в основном терминами с узкой сферой употребления.

Среди наименований предметов церковного быта было много греческих заимствований: ИКОНА (греч. εἰκὼν 'изображение, образ'), ИКОНОСТАСЬ (греч. εἰκονοστάσιον 'стена с иконами перед алтарем'), КИВОТЪ

(греч. κιβώτης ‘ящик, ковчег’) и вариант произношения и написания КИОТЬ, КАДИЛО (греч. κανδήλα ‘церковный сосуд для курения благовоний’), ЛАДАН (греч. λαδανον ‘ароматическая смола’), ПОТИРЬ (греч. ποτήριον ‘чаша’), ПРОСФОРА (греч. προσφορά ‘жертва’) и т. д. Заимствованные слова, входя в русский язык, обычно приобретают более узкое значение, часто превращаясь в однозначные термины. Так произошло и в данном случае: в сознании носителей древнерусского языка перечисленные лексемы ассоциировались исключительно с церковной сферой.

Особое внимание следует обратить на заимствованную лексему ИКОНА, которая, хоть и возникла как религиозный термин, не стала частью специальной лексики. Вероятно, это связано с тем, что в XI-XVII вв. почти все носители русского языка были православными, т. е. предметы христианского культа находили применение часто. Особенно это касается предметов, которые использовались не только священнослужителями. Таким предметом и являлась икона, и поэтому соответствующая лексема многими начала восприниматься как общеупотребительное слово, утратив терминологичность. Когда это слово стало активно употребляться, оно начало изменяться. Эти изменения были типичными для слов в древнерусском языке.

В первую очередь следует отметить семантическое сопоставление и сближение с другими терминами. Начиная с момента проникновения в русский язык греческое слово ИКОНА соотносилось с объемным по семантике славянским словом ОБРАЗЪ. Вероятно, что слово ОБРАЗЪ, имеющее несколько значений: 1) вид, 2) изображение, портрет, 3) знак, символ (Словарь русского языка XI-XVII вв., 1987, вып. 12, с. 134), – вступало в синонимические отношения с лексемой ИКОНА во втором значении, но только в религиозном контексте.

Согласно лингвистическим исследованиям, лексема ОБРАЗЪ присутствует в различных славянских языках со значением ‘подобие, изображение’, что говорит о первоначальности и древности этого значения. Однако только в русском языке почти сразу было выделено употребление этого слова для обозначения изображений библейских сцен или святых (что сближает его с ИКОНОЙ) как самостоятельное значение. Подтверждения этому можно найти в текстах:

И написа ся... о тои чюдо бывъшее спасовъ образъ написанъ и от луки же еуангелиста писана икона (Успенский сборник, 1971, с. 25).

Кроме греческих заимствований наименованиями церковной утвари могли выступать и заимствования из церковнославянского языка: ОГЛАВЬЕ (от ГЛАВА ‘голова’), МОЩИ, ПЛАЩАНИЦА и др.

Из этого круга интересным для анализа представляется термин МОЩИ (с вариантом употребления в единственном числе – МОЩЬ, который фиксируется Словарем русского языка XI-XVII вв.). Древнерусский язык заимствует из церковнославянского оба омонимичных слова МОЩЬ¹ (‘могущество, сила и т. д.’) и МОЩЬ² (‘останки, тело умершего, останки тела святого, которым приписывалась нетленность и чудодейственная сила’) (Словарь русского языка XI-XVII вв., 1982, вып. 9, с. 286). Нужно отметить, что в языке-источнике первоначально существовало одно многозначное слово. Подтверждение находим в Полном церковно-славянском словаре (1998, с. 1048), где зафиксировано древнейшее употребление слова МОЩИ для обозначения силы и могущества. Однако к моменту заимствования многозначное слово превратилось в омонимы, значительно различающиеся по сфере использования и даже лексическому значению. Первый омоним быстро утратил форму множественного числа, начал употребляться только в единственном (МОЩЬ) и имел древнерусский вариант с «Ч» (МОЧЬ), а второй больше не использовался в единственном числе и имел только форму множественного (МОЩИ):

Благовѣрнии же христиане стрежаху мощей святого взяти (Памятники литературы..., 1986, с. 542).

Рассмотрим лексему КРЬСТЪ. М. Фасмер настаивает на том, что слово КРЬСТЪ было заимствовано древнерусским именно из церковнославянского языка и произошло из древневерхненемецкого krist (‘Христос’), а не от chriuz (‘крест’). В противном случае, если слово было бы исконно русским, на месте «Е» вследствие понятных фонетических процессов произносилось бы «Ё» (Фасмер, 1986, т. 1, с. 374). Метонимический перенос привел к рождению нового значения ‘распятие, символ христианства’, но это употребление довольно быстро вытеснило первоначальное. «Вероятно, именно связь в сознании говорящих с именем Христа объясняет наличие нескольких вариантов написания (КРЬСТЪ – ХРЬСТЪ)» (Петухова, 2003, с. 43). При этом различные варианты встречаются только в церковном употреблении:

Наставъшу же дъни иде архиепископъ Иванъ с хръсты... архиепископъ же пришедь съ кръсты... (Успенский сборник, 1971, с. 60)

Значение данного слова было очень широким и сохраняло свой синкретизм на протяжении всей древнерусской эпохи. Это, пожалуй, единственное слово в данной лексико-семантической группе, которое довольно часто использовалось в повседневной речи и выходило за рамки церковной тематики. Его значение охватывало как религиозные, так и светские сферы. Слово КРЕСТЪ имело несколько значений: 1) орудие казни в виде бревна с перекладиной, используемое у древних римлян; 2) изображение креста, символ христианства, почитаемый верующими; 3) молитвенный жест христиан, крестное знамение; 4) знак в форме креста; 5) присяга или клятва (Словарь русского языка XI-XVII вв., 1981, вып. 8, с. 39-41). При этом слово в религиозном контексте употреблялось чаще.

Популярность слова КРЕСТЪ привела к появлению множества производных: *крестить, крещение, крестильня, крестины, крестник, креститель, крестянин* и др. Все они подтверждают то, что носители древнерусского языка прежде всего связывали это слово с церковью, так как все производные имели религиозный оттенок. В светской речи слово КРЕСТЪ не образовывало дериватов.

Среди иноязычных по происхождению членов группы наименований церковной утвари единичны случаи тюркских заимствований. К таковым можно отнести слово КЛОБУКЪ. По данным словаря М. Фасмера (1986, т. 2, с. 252), источником является тюркское *kalpak*, которое помимо упомянутого лежит в основе другого

заимствования – КОЛПАКЪ. Сначала оба слова (КОЛПАКЪ и КЛОБУКЪ) функционировали как дублирующие наименования и обозначали ‘головной убор определенной формы’:

И старец снял з главы клубук и показал рану (Изборник, 1969, с. 533).

К концу древнерусской эпохи слова закрепились за разными сферами, они по-прежнему обозначали ‘головной убор’, но лексема КЛОБУКЪ утратила нецерковный смысл и сблизились с заимствованным наименованием МИТРА (хотя греческое слово обозначало не просто клубук, а украшенный золотом, являющийся атрибутом только священнослужителей высших санов), а слово КОЛПАК не использовалось для называния части облачения священника.

Как отмечалось выше, в составе рассматриваемой группы появлялись и исконно русские наименования: БОЖНИЦА (‘полка для икон’), ГОЛУБЕЦЬ (‘ларец для хранения священных предметов, ковчег’), КОЛОКОЛ, КРУТА (‘оклад и другие украшения на иконах’), НАПЛЕЧЬЕ (‘украшения на иконе’), РИЗА (‘облачение монаха или священника’) и др. При образовании этих слов язык реализовывал как морфологические, так и семантические способы, мы видим разные словообразовательные модели. Например, слова БОЖНИЦА (-ниц-), ГОЛУБЕЦЬ (-ец-), НАПЛЕЧЬЕ (на-...-j-), ПОДРИЗНИК (под-...-ник-) были образованы при помощи суффиксов и конфиксов. А наименования КРУТА (женское украшение → украшение на иконах), РИЗА (любая одежда → монашеское одеяние) претерпели изменение семантики. Слова, обозначающие предметы быта, использовались для обозначения этих реалий в церкви и закрепляли теперь уже церковное употребление.

Многие члены анализируемой группы в древнерусском языке отличались терминологичностью. Это касается, прежде всего, заимствованных лексем. Отсутствие ассоциации с нецерковными смыслами у таких слов в русском языке чаще всего не позволяло им иметь широкую семантику, поэтому заимствованные наименования церковной утвари функционировали в основном в рамках конфессионального употребления. Если говорить об исконно русских словах группы, то часто первоначально употреблявшиеся для обозначения исключительно бытовых реалий, начиная использоваться в определенных контекстах для обозначения предметов церковной атрибутики, эти лексемы переживают сужение семантики, утрачивают прежнее светское значение и также переходят из общеупотребительной лексики в специальную (КРУТА, ОПЛЕЧЬЕ, РИЗА и др.).

На протяжении XVIII-XIX веков в сфере церковной предметной лексики изменения в основном были связаны с так называемым «обмирщением» просвещения и литературы (Виноградов, 1978, с. 35). Менее популярными становятся тексты религиозного содержания, а вместе с ними менее частотными становятся и использование церковных лексем. Конечно, говорить о переходе в пассивный словарь церковных наименований еще нельзя, но уже в это время наметилась тенденция изменения в их функционировании, связанная с переходом из центра активного языкового запаса на его периферию.

Но в то же время снижение частотности сопровождается стилистической маркированностью некоторых церковных лексем. Даже наименования церковного быта начинают восприниматься как *лексика высокого стиля*, причем так воспринимаются все слова, независимо от происхождения (будь то греческие или церковнославянские заимствования либо слова, образованные на базе русского языка).

В художественных текстах, особенно в литературе XIX века, которая всё дальше уходит от богословской тематики, наименования церковной утвари продолжают выполнять стилистическую и эмоционально-экспрессивную функцию. Например, в произведениях Л. Н. Толстого религиозные термины «воссоздают колорит ликования», используются для передачи атмосферы торжественности, подчеркивая восхищение красотой и очищающей силой церковных ритуалов (Язык Л. Н. Толстого, 1979, с. 34). В то же время в «Воскресении» подход автора к изображению богослужения в тюремной церкви отличается. Средством выразительности в этом отрывке является сознательный отказ от употребления церковных терминов даже там, когда речь идет об атрибутах православного культа. Традиционную церковную лексику, которая для писателя наполнена возвышенным смыслом и положительной коннотацией, он заменяет на обыденные, бытовые слова и выражения, показывая тем самым свое негативное отношение к описываемому. Лицемерие и формальность при исполнении религиозных ритуалов осуждается Толстым через это неиспользование церковных наименований. Например, слово РИЗА заменяется на «неудобная парчовая одежда», ИКОНА представляется как «предполагаемое золочёное изображение бога», АНАФОРА обозначена как «кусочки хлеба», ПАНАГИАРЬ – как «чашка», а КИВОР – как «занавеска» и другие подобные замены (Толстой, 1982, с. 136-139). Читатель, понимая, каких церковных терминов избегает писатель, вскрывает авторский замысел.

Наименования церковной утвари расширяют свою семантику за счет приобретения, или, вернее, возрождения, нецерковных значений. В древнерусский период такие значения отошли на второй план, став менее употребимыми по сравнению с церковными, однако не исчезли полностью. Рассматриваемые слова, употребленные в нецерковном смысле, воспринимаются как стилистически окрашенные синонимы общеупотребительным словам. По мере секуляризации литературы церковные термины начинают использоваться в светских значениях почти с такой же частотой, как и в религиозных контекстах. Так, слова РИЗА и ПЛАЩАНИЦА могут использоваться либо как церковные термины, либо как возвышенные аналоги нейтральных слов *одежда* и *покрывало* соответственно.

В стихотворных произведениях Г. Р. Державина находим дальнейшее метафорическое переосмысление нецерковного значения слова РИЗА. Под влиянием переносных значений у слова *одежда* лексема РИЗА тоже приобретает новое фразеологически связанное значение ‘покрыв, трава’. Этим достигается двойной эффект: усиление образности метафорического оборота сочетается со стилистическим повышением слога. Так, говоря о весне, Державин пишет:

На доли и вершины гор
Зелену ризу надевает... (1985, с. 181).

В XVIII-XIX веках наметилась тенденция, которая найдет свое развитие лишь в конце XX – начале XXI века: появление у церковных слов переносных значений; важную роль в этом играла литература.

В течение XX – начала XXI века функционирование церковной лексики, особенно наименований церковной утвари, определялось преимущественно экстралингвистическими факторами. Можно выделить два противоположных по характеру отношения к рассматриваемой лексике периода:

- 1) советский период (1917-1980-е годы), когда церковь подвергалась гонениям, что отражалось и в языке;
- 2) постсоветский период (с 1980-х годов), характеризующийся возрождением интереса к религии, что привело к возвращению и популяризации церковной лексики.

В советское время наименования предметов церковного быта, как и вся религиозная лексика, чаще всего функционировали в составе устойчивых выражений, фразеологизмов и афоризмов. «В словарях, созданных в 20-90-х гг. XX в., православные термины, религиозные единицы имели пометы: *устаревшее*, *ироничное*, или в лучшем случае – *религиозное*, *церковное*. В Малом академическом словаре русского языка церковная лексика – одна из самых малочисленных групп, насчитывающая всего 87 единиц» (Чернявская, Майоров, 2015, с. 20). Подобная сегрегация слов также способствовала некоторому уровню стигматизации, когда религиозные термины воспринимались как что-то «неактуальное» или «архаичное».

Сокращение частотности употребления церковной лексики с предметной семантикой в XX веке сопровождалось утратой некоторых ее прежних характеристик. Во-первых, исчезла многозначность: многие церковные наименования снова, как и в древнерусскую эпоху, закрепились за религиозной сферой, утрачивая возрожденные в XVIII веке светские значения. Во-вторых, церковные слова намеренно лишались положительной эмоциональной окраски, что привело к архаизации таких слов. В-третьих, сократились синонимические ряды церковной лексики.

Все перечисленные процессы привели к тому, что такие слова, как ИНТИДИЯ, ГОЛУБЕЦ, КРУТА, КОСМИТ, КОЛИВИФРЬ, ПОЛИСТАВРИЙ и другие, стали непонятны основной массе носителей языка. Это отразилось в толковых словарях. Не только словари советской эпохи, в т. ч. Толковый словарь русского языка (2000) под редакцией Д. Н. Ушакова и Словарь русского языка С. И. Ожегова (1968), но и более поздние, современные словари – Толковый словарь русского языка конца XX века (1998), Толковый словарь русского языка начала XXI века (2007) – вообще не фиксируют этих слов в русском языке. В активном же словарном запасе остались лишь отдельные примеры, такие как ИКОНА и КРЕСТ.

Особых пояснений требует функционирование слова КРЕСТ. Мы уже отмечали ее многозначность. Удивительно, но и в советскую эпоху эта лексема осталась многозначной. Так, в словаре С. И. Ожегова (1968, с. 297) рассматриваемое слово имеет не только религиозные значения, но и следующие: фигура из двух пересекающихся под прямым углом линий; орден, а также геральдический знак в виде двух пересекающихся планок; страдания, испытания. Это, наверное, единственное слово, которое в советское время и в церковном употреблении не сопровождалось пометками *устаревшее* и т. п. Более того, оно использовалось в речи в составе фразеологического оборота *креста на тебе нет*, в основе которого, как ни странно для того времени, лежит осуждение неверия в религиозном смысле этого слова. Через ассоциативную связь креста с наличием веры, а веры с праведностью и соблюдением нравственных законов в сознании носителя языка человек без креста воспринимается как бесчестный и бессовестный. Такая позиция противоречила государственной политике, и поэтому в словарях данное выражение сопровождалось пометкой *устаревшее* (Фразеологический словарь..., 1968, с. 212).

Рассмотрим некоторые другие фразеологизмы, созданные по одной модели – *звонить во все колокола*, *куришь фимиам*, *раздуть кадило*, *дышать на ладан*. В основе этих устойчивых выражений лежат различные церковные обряды, при которых используются атрибуты. Затем через определение цели названных действий и посредством метонимического переноса рождается новое содержание, в сознании носителей уже не опирающееся на обрядовые действия.

Стоит обратить внимание и на оборот *живые мощи*. Семантика данного выражения подчеркивает, что слова МОЩЬ и МОЩИ окончательно стали противоположны по значению. Появившись в XIX веке, оборот со значением ‘очень худой, изможденный человек’ (Фразеологический словарь..., 1968, с. 255) получил широкое распространение в языке XX века, поскольку церковное слово МОЩИ в его составе перестает ассоциироваться с чем-то могущественным и чудодейственным, а носит ироничный характер. Такое отношение к наименованию церковного атрибута настолько соответствовало настроению эпохи, что постепенно в этом же значении (нёмощный человек) используется уже не оборот, а только слово МОЩИ.

В конце XX века (примерно с середины 1980-х годов) государственная политика в отношении религии переживает кардинальные изменения. Возрождается авторитет церкви, религиозность даже превращается в своеобразную моду. С изменением роли церкви меняется и функционирование церковных слов, новые условия приводят к возвращению, возрождению и развитию всей религиозной лексики и рассматриваемой нами группы тоже. Лексика, ранее находившаяся под запретом, начинает активно использоваться в языке. Образование новых церковных общин, публикация религиозной литературы, разработка образовательных программ по православной культуре и истории способствовали оживлению интереса к этой лексике.

В настоящее время православная лексика многогранна и охватывает различные аспекты: от богословских терминов до разговорной речи и фразеологии. Лексикографические работы последних лет (Какорина, 2000) отмечают возросшую значимость этой лексики, ее место в культурном контексте современного русского языка, а также ее активное развитие и адаптацию к современным реалиям.

В последнее время в сфере масс-медиа наблюдается активное использование церковнославянской и профессиональной лексики, включая церковные слова с предметной семантикой. Прежде всего наблюдается актуализации первичного значения церковных слов. Этот процесс нашел отражение в языке СМИ:

«Пять последних лет она участвует в возрождении этой обители в Республике Коми: например, по единственной сохранившейся дореволюционной фотографии воссоздала детали 11-метрового резного *иконоста-са*» (Дорога к храму – через память // Коммерсант. 26.10.2020).

Кроме употребления в прямом значении наблюдается использование наименований церковной утвари в переносном значении. В этом плане интересна судьба наименования ИКОНА. Словари последних лет фиксируют или два значения данного слова (Толковый словарь..., 1998, с. 263), или два омонима (Толковый словарь..., 2007, с. 391), что, с нашей точки зрения, более оправданно, поскольку омоним со значением 'пиктограмма, обозначающая доступный пользователю объект' появляется в русском языке под влиянием английского. Скорее можно говорить о появлении второго значения у английского слова *icon* и заимствовании его русским.

В текстах различного характера, включая средства массовой информации, социальные сети и другие нецерковные контексты, чаще используется дериват ИКОНКА:

«В результатах поиска литературного произведения наряду с предложением от самого “Яндекса” рядом появились *иконки* книжных магазинов» («Яндекс» расширил предложение книг под давлением ФАС // Ведомости. 08.09.2021).

На рубеже веков тоже под влиянием английского языка в русском языке появляется выражение *икона стиля*, возвращающее слову ИКОНА первоначальное, доцерковное значение 'образец':

«Обоснование появлению и исчезновению модных тенденций было дано в социальных и демографических явлениях, в психологии масс, полов и в персональном влиянии появившихся *икон* стиля в медиа и кино» (Каллагова, 2020).

Таким образом, с конца XX века церковная предметная лексика, в том числе и наименования церковной утвари, переходит из пассивного запаса языка в активный. Восстановление храмов, возрождение церковных обрядов и традиций, открытие религиозных школ – всё это позволило говорить о возвращении в обиход церковных слов, использование которых в этот период было многообразно: не только актуализация первичного, т. е. церковного, значения лексем, но и создание новых метафорических образов.

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Состав тематической группы наименований церковной утвари разнообразен, здесь есть и заимствования (греческие, церковно-славянские и даже тюркские), и слова, созданные в русском языке.

2. В древнерусском языке (XI-XVII вв.) слова, которые применялись для обозначения предметов церковной утвари, облачений и культовых атрибутов, характеризовались терминологичностью и имели узкоспециальную область применения. Но при этом часто не выполнялось одно из главных требований, предъявляемых к терминам. Церковные наименования образовывали синонимические ряды. Заимствованные лексемы, попадая в русский язык, переживали процесс сужения семантики (ИНТИДИЯ, КУТЬЯ, МИТРА и др.). Отдельные исключения (ИКОНА, ОБРАЗ, РАСПЯТИЕ, КРЕСТ) не опровергают наличие указанной тенденции.

3. В период XVIII-XIX веков церковные слова хоть и теряют былую частотность, но расширяют семантику за счет появления переносных значений. Церковная лексика и, в частности, наименования утвари приобретают стилистическую маркированность и относятся к высокому стилю.

4. Функционирование церковной лексики в русском литературном языке на протяжении XX – начала XXI в. можно считать самым противоречивым за всю историю церковных слов: от полного отвержения и ухода в пассивный словарь в советский период до возрождения, включающего в себя не только актуализацию первичного значения, но и семантическое переосмысление, в так называемый постсоветский период.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с изучением эволюции семантики церковных лексем других тематических групп или религиозной лексики с абстрактным значением.

Источники | References

1. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
2. Виноградов В. В. Основные этапы истории русского языка // Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.
3. Какорина Е. В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости // Русский язык конца XX столетия (1985-1995): монография / отв. ред. Е. А. Земская. Изд-е 2-е. М., 2000.
4. Ковалевская Е. Г. О судьбе «высокой лексики» в истории русского литературного языка XVIII-XX вв. // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII века: сб. науч. работ / отв. ред. В. В. Замкова. Л.: Наука, 1984.
5. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
6. Копорская Е. С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М.: Наука, 1988.

7. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999.
8. Кошелева Т. И. Православная церковная лексика в современных светских СМИ // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. № 72.
9. Петухова М. Е. Функциональные особенности церковной лексики с предметным значением в русском языке: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2003.
10. Прядко И. П. Библейская лексика на страницах современных СМИ // Грамота.ру: справ.-информ. портал. 23.11.2000. <https://gramota.ru/journal/stati/zhizn-yazyka/bibleyskaya-leksika-na-stranitsakh-sovremennykh-smi>
11. Рогожникова Т. П. Особенности употребления церковнославянской лексики в различных сферах общения // Омский научный вестник. 2013. № 5.
12. Чернявская Е. В., Майоров А. П. Религиозная православная лексика в отечественной лингвистике // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 1.
13. Язык Л. Н. Толстого. Пособие по истории русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1979.

Информация об авторах | Author information

RU Петухова Мария Евгеньевна¹, к. филол. н., доц.
Кожемякова Екатерина Аркадьевна², к. филол. н., доц.
Демираг Диана Няилевна³, д. филол. н., проф.
Семенова Галина Николаевна⁴, д. филол. н., доц.
^{1, 2, 4} Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары
³ Казанский (Приволжский) федеральный университет

EN Maria Evgenievna Petukhova¹, PhD
Ekaterina Arkadevna Kozhemyakova², PhD
Diana Nyailevna Demirag³, Dr
Galina Nikolaevna Semenova⁴, Dr
^{1, 2, 4} Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary
³ Kazan (Volga Region) Federal University

¹ petuhovame@yandex.ru, ² ekozhemyakova@yandex.ru, ³ dianadi@bk.ru, ⁴ gncemenova@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.08.2024; опубликовано online (published online): 24.09.2024.

Ключевые слова (keywords): русский язык; церковная лексика; лексико-семантическая группа; предметное значение; наименования церковной утвари; лексическое заимствование; Russian language; Church-related lexis; lexico-semantic group; object meaning; names of church utensils; lexical borrowing.